

Впервые в жизни меня пригласили в гости к королю. Как ни странно, волнения я не испытывала. Может быть, потому, что давно с ним знакома, просто не бывала дома, а может быть, потому, что во дворце, хоть и с башнями по обеим сторонам, ему принадлежат лишь небольшие апартаменты, состоящие из комнаты и веранды, да и то на третьем этаже. Что касается государства, то оно огромно и носит название "Кинокомедия", а ее король не кто иной, как народный артист СССР МИХАИЛ ПУГОВКИН, в его распоряжении имеется и планета, но обо всем по порядку.

МИХАИЛ ПУГОВКИН:

"У меня все еще впереди!"

- Михаил Иванович, как это понимать? Был артист Пуговкин и вдруг король?

- Для меня это тоже явилось полной неожиданностью. Я человек не тусовочный, в Доме кино за всю свою жизнь был раз пять, не больше, а тут пригласили меня в Адлер на кинофестиваль, президентом которого был Толя Кузнецов, и все артисты провозгласили меня королем, а президент корону на голову надел. Это очень почетно, когда такое звание присуждают сами артисты, но вы обязательно напишите, что король-то голый. Ни дворца, ни свиты, ничего у меня нет.

- С тех пор как переехали в Ялту, вы в Москву ни ногой. За что вы на нее обиделись?

- Ничего принципиального в этом нет. Просто мой переезд в летнюю резиденцию, на полуостров Крым, вы ведь знаете, что здесь любили отдыхать наши коронованные особы, затянута на шесть лет. Будет необходимость приезда в Москву, конечно, приеду. Я ее очень люблю, она для меня стала второй родиной.

- Так вы не москвич?

- Нет, я родился в деревне Рамешки, что в восемнадцати километрах от города Чухломы, и до тридцати лет жил там. Боронил, за плугом ходил, сено сушил, стога собирал. Марк Бернес меня крестьянином звал. Так и спрашивал: "Крестьянин, как дела?" Я отвечал: "Да ничего, живем, пашем, сеем". Нас три брата было, я самый младший. Средний брат очень животных любил. У нас была шикарная овчарка, много кроликов, ежиков. Перед самой войной он окончил летное училище, был направлен в Белоруссию. Мы только одну открытку получили: "Мама, творится что-то ужасное, твой Федя", и все. Старший брат тоже на фронте погиб. Остался один я.

- Когда началась война, вам ведь даже восемнадцати не было.

- А это не имело никакого значения. Я 7 июля ушел добровольцем в ополчение. Девяносто автобусов уезжало, половину по дороге разбомбило, а Ельня, где я оказался, семь раз переходила из рук в руки. Там же под Ельней впервые заговорила наша "Катюша". Это мы потом узнали, а тогда ничего понятия было нельзя: шум, гром, свист. Потом я попал в действующую армию, в разведчики.

- Много "языков" привели?

- Хвастать не буду, но одного все же успел взять, а когда шли обратно, наткнулись на телефонный кабель. Командир возьми да и предложи взять с собой. Мы налегли, дернули, что тут началось, какая стрельба поднялась. Представляете, все телефоны противника разом вышли из строя. Вот такое хулиганство мы учинили. В 43-м получил ранение и вернулся в Москву.

- Михаил Пуговкин настолько для всех ассоциируется с кино, что мало кто знает, что вы много лет работали на театральных подмостках.

- Когда с фронта вернулся, в Москве был всего один театр драмы. Руководил им Горчаков, ученик Станиславского. Там работали Плятт, Орлова, Тер-Осипян. Спектакли шли в Эрмитаже, в зале почти все военные. Репетировали спектакль "Москвичка", на главную роль простак назначили Литвинова. Красивый был человек. Радиослушатели его знают по передаче "Радионяня". По ходу пьесы героиня ему говорит: "Душа у тебя, Петька, ничего, но личность определенно не та". Что только актеру не делали: и нос подтягивали, и грим применяли, но красота, как сказала Раневская, это великая сила, убрать ее невозможно, и тогда режиссер предложил роль мне. Литвинов пострадал из-за своей красоты.

- Вы что же, работали в театре, не имея образования?

- В то время как раз по завещанию Немировича-Данченко Московин открыл студию при Художественном театре. На приемных экзаменах двадцать два народных артиста, которые были в комиссии, начали смеяться, когда я дошел до басни "Кот и повар". Уж не знаю, на кого я больше походил из этих персонажей, только Московин меня спросил, что я еще могу. Я ответил не задумываясь: "Пушкина, лирику". Он очень осторожно мне говорит: "Ну попробуйте". Верите, я читал со слезами на глазах, а они все покатывались со смеху. Я даже немного обиделся и успокоился только, когда меня приняли.

- Вообще вы любите пошутить?

- А как же, но без криминала. Мы жили в общежитии, во дворе МХАТа, и мне досталась комната без окон. Я над своей кроватью повесил репродукцию картины Серова "Похороны крестьянина". Надо же так случиться, что приехала ка-

кая-то комиссия. Заходят в мою комнату, меня не было, мне ребята потом рассказали, наш директор-распорядитель посмотрел на стенку и говорит: "Это, наверное, кровать Пуговкина?"

- Правда ли, что вы со сцены посмеялись над самим Буденным?

- Да нет же! Я играл бойца в "Первой конной" и на вопрос: "Ты, Буденного видел, как он тебе?" отвечал: "Ничаво". На одном из спектаклей он сидел в первом ряду, ну не буду же я менять реплики. Пришлось сказать по тексту. Он все нормально воспринял и после спектакля, когда его спросили: "Ну как вам Пуговкин?" ответил: "Ничаво". Уж не знаю, что там сыграло роль, но я получил наконец-то квартиру в Черемушках, а так все по чужим углам жил.

- Вы себе на экране нравитесь?

- Я не влюблен в себя как в артиста. Первоначально было радостное чувство, потом появилось критическое. Старые фильмы смотрю спокойно, иногда даже думаю, что сейчас сыграл бы точно так

или работать спустя рукава она никак не могла. Никаких поблажек, замечаний она получала не меньше нашего. Постороннему невозможно было определить, что она его жена.

- В фильме "12 стульев" вы сами захотели сыграть отца Федора?

- Наши желания совпали. И я увидел эту роль, и Гайдай ее для меня определил. Я, когда жил в деревне, дружил с поповскими ребятами, ходил к ним домой. Грим подобрал под деревенского батюшку, но, когда посмотрел в зеркало, по спине мурашки забегали. Подозвал Гайдаю и тихо, чтоб никто не слышал, это ведь тогда не приветствовалось, ему говорю: "Я ведь, человек верующий, может быть, не надо?", а он мне тоже тихо: "И я верующий. Давайте перекрестимся и начнем работать".

- Кто же является автором всевозможных трюков, смешных реприз на съемочной площадке?

- Это сказать трудно. Творчество это коллективное и точно определить, кто, что, в каком кадре придумал, невозможно. Идеи подбрасывают друг другу. Вы знаете, я считаю, что сейчас слово "выдающийся" очень затрелили, все у нас выдающиеся, а вот к Гайдаю я его применяю смело. Он действительно выдающийся комедиограф, режиссер сложнейшего жанра. Работать с ним было одно удовольствие. Он никогда не врал, не строил из себя всезнайку, не разыгрывал озлобленность, когда проведению съемок мешала погода. Идеи режиссеры сокрушаются, дескать, государственные деньги летят, а Гайдай говорит: "Отдыхайте, сегодня ничего не получится".

- Ходили слухи, что вы с трудом полу-

чили роль режиссера Якина в фильме "Иван Васильевич меняет профессию".

- Это не слухи, чистая правда. Хулсовет Мосфильма восстал против моей кандидатуры, для них режиссер - обязательно интеллигент с сединами, а у меня даже сейчас голова серая, но не седая, цвет волос такой, да и внешность у меня не та. Спас меня Чухрай, в мою защиту он им сказал: "Вы думаете, что вы все такие красивые, умные, есть и другие, которых вам покажет Пуговкин". С Чухраем у меня был забавный случай. Снимался фильм "Корабли штурмуют бастионы", я играл матроса Пирожкова. Чухрай только вернулся с фронта, еще в форме ходил и с огромной жадной работкой ко всем приставал, уж очень ему хотелось порепетировать. Артисты же таким желанием не обладали, и, получив ото всех отворот-поворот, он ринулся ко мне с надеждой в голосе: "Можно с тобой порепетировать?" Я говорю: "Конечно". Потом я ему как-то напомнил: "Ты не забывай, что репетировать тебе разрешал только я". Он засмеялся: "Помню, помню!"

- В фильмах новой волны вам не предлагают сниматься?

- Кино помолодело. Оно стало другим по форме и по содержанию. Сценарий предлагают, беда в том, что я себя в этих ролях не вижу, как же я буду играть, если героя не чувствую, или предлагают то, что я уже играл, причем не один раз. Я одному режиссеру так и сказал: "Я все это уже перерос, иду по другой дороге, возвращаться не собираюсь. Зрителей смшил тот Пуговкин, а я уже другой".

- Я обратила внимание, что вы всегда подчеркиваете свое звание народного артиста СССР.

- Подчеркивал и буду подчеркивать, даже борюсь за это. Памятники сломали быстро, но тех людей уже нет в живых, а звание - это мой памятник, мне его не по благу дали, и я еще живой, за чем же у меня отбирать.

- Вы по-прежнему часто встречаетесь со зрителями, допинг в виде 100 граммов перед выступлением нужен?

- Нет, я работаю без наркотика. Железно, уже много-

много лет. Как-то во время съемок меня остановил режиссер: "Миша, вы, по-моему, выпили, вы же будете хуже играть", я в ответ: "Ну что вы, наоборот, лучше!" Сняли сцену, через три дня проявили материал, сидим, смотрим, и я себя не узнаю, какие-то не те движения, корявая речь. Я на всю жизнь запомнил, что перед работой этим занимаюсь противоположно.

- Михаил Иванович, вы очень красноречивы, наверное, объяснения в любви будущим женам звучали красиво?

- Никаких объяснений, предложений руки и сердца, стоя на коленях с букетом цветов, не было. Все получилось естественно, само собой. С первой женой мы учились вместе, за ней ухаживал Леша Баталов, но она выбрала меня, и мы прожили с ней 12 лет. Сейчас она работает в Омске. Вторая была певицей. Я ездил с ней на гастроли ведущим концерта. Марк Бернес, узнав о нашей свадьбе, спросил: "Крестьянин, каким же путем ты покоришь эту женщину?" Я ответил: "У нас, у крестьян, свой подход имеется". Мы с ней прожили 32 года. После ее смерти я как-то очутился в Ялте. Состояние было ужасное, и Ирина Константиновна, теперь уже моя третья жена, предложила мне выступить, я отказался, не до того было. Спустя некоторое время мы все же начали работать, а потом поженились.

- Почему же ни одна из ваших трех дочерей не стала актрисой?

- Стремилась только одна, Лена, она показывалась в Художественном, а в приемной был мой однокурсник, он мне потом позвонил и говорит: "Она когда произнесла фамилию, я аж вздрогнул, не сердись, мы ее не приняли". Я и не сердился.

Многие артисты пропихивают своих чад, не понимая, что тем самым навязывают головную боль не только себе, но и детям. Такой благодать - это постоянные вопросы: как будут к ребенку относиться? Дадут ли роль? Не станет ли он посредственностью? Я считаю, что если ребенок талантливый, то его нужно вначале за уши тащить, потому что потом он пробьется, а если нет, нужно поискать другую профессию.

- Планета Пуговкина действительно существует, это не фантастика?

- Да. Ее утверждали 16 стран, я прошел единогласно. Она очень маленькая, между Марсом и Юпитером. Будете пролетать, заходите в гости.

- Как король вы хотели бы что-либо изменить в своей жизни?

- Из того, что у меня было, ничего. Хочу к финишу прийти красиво. Старение - это очень тяжелый процесс, очень трудно проходить его с поднятой головой, нужна большая воля, ведь с годами иначе не все реагируешь, даже на узнавание.

- С годами приходит мудрость?

- А как же. Если раньше, когда мне говорили, что машина, посланная за мной, будет в 7 часов, и я, выходя ровно в 7 часов, два часа дождался ее, то теперь я выхожу в 8 и жду только час, но, видно, я еще не настолько мудр, чтобы выходить в 9, у меня еще все впереди.

Татьяна Петренко, г. Ялта

Меняет профессию.

Стреловская Миксандр 15.09.97